

М. М. Макарецв

ИСл РАН, Москва

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

В настоящей работе я хотел бы поднять вопрос о том, насколько адекватно описан с точки зрения типологии такой, казалось бы, хорошо известный фрагмент грамматической системы болгарского языка, как категория эвиденциальности, и предложить свой вариант решения проблемы.

В качестве исходного определения эвиденциальности принимается следующее: «Эвиденциальность — это лингвистическая категория, основное значение которой — источник информации. ⟨...⟩ Эта категория включает в себя способ, которым была получена информация, однако не содержит указания на степень уверенности говорящего в ее истинности» [Aikhenvald 2004: 3].

Говорить о зарождении интереса теоретической лингвистики к эвиденциальности можно только начиная с работ Ф. Боаса [Boas 1911], описавшего эвиденциальную систему вакашского языка квакиутль. Иногда эта работа указывается в качестве точки отсчета исследований по эвиденциальности (см., например, [Aikhenvald 2004: 12]), что не вполне точно, учитывая богатую историю исследований этой грамматической категории, по крайней мере, в балканских языках (см. подробнее [Guentchéva 1996: 14]).

Первым опытом типологического описания эвиденциальных систем, по-видимому, следует признать статью Т. Гивона [Givón 1982], в которой сравниваются языки киньяруанда (банту), шерпа (тибето-бирманский) и юте (шошотская ветвь юто-ацтекских языков). Впрочем, эта работа только начинает создание типологического аппарата для описания эвиденциальности. Болгарский язык впервые упоминается в типологической классификации эвиденциальных систем только Т. Уиллетом [Willett 1988], который сравнивает 38 языков, принадлежащих к разным семьям и группам. Его классификация выделяет три типа свидетельства ('types of evidence'):

прямое ('attested'), репортативность ('reported') и инференциальность ('inferring'), в каждом из которых выделяется несколько подтипов:

Схема 1. Классификация эвиденциальных систем
Т. Уиллетта [Willett 1988: 57]

	{		{ Visual
	{	Direct — Attested	{ Auditory
	{		{ Other sensory
	{		{
Types of Evidence	{	{	{ Second-hand } (hear-
	{	{ Reported	{ Third-hand } say)
	{	{	{ Folklore
	{	Indirect	{
	{	{ Inferring	{ Results
	{	{	{ Reasoning

Болгарский язык, по мнению Т. Уиллетта, выделяет все три основные «типа свидетельства», но не выделяет подтипы¹.

А. Айхенвальд в своей монографии «Evidentiality» [2004] строит классификацию эвиденциальных систем на основании количества и набора так называемых «семантических параметров» в языке. Согласно этой классификации, болгарский язык относится к типу А1 (первичная vs. непервичная информация) [там же: 288], то есть к языкам, где разграничиваются два ряда маркированных форм, а нейтральные формы отсутствуют [там же: 40]². «Непервичная информация» (*non-firsthand information*) является общим термином для широкого спектра параметров (сенсорность (*sensory*), инференциальность (*inference*), конклюдивность (*assumption*), репортативность (*hearsay*)).

Классификации Т. Уиллетта и А. Айхенвальд значительно различаются (и по структуре, и по набору «семантических па-

¹ Т. Уиллет использует материал В. Фридмана [Friedman 1986].

² А. Айхенвальд опирается на другую работу В. Фридмана, который говорит: «Балканские языки (за исключением греческого) имеют признаки систем А2 по классификации Айхенвальд (при этом формы не-подтверждения ('non-confirmative') являются маркированными, а балканославянские языки имеют признаки систем А1 (при этом маркируется подтверждение ('confirmative'), а не-подтверждение является основным контекстуальным вариантом значения (Hauptbedeutung) немаркированного члена» [Friedman 2003: 190].

раметров» (А. Айхенвальд) / «типов свидетельства» (Т. Уиллетт), и по количеству оппозиций по эвиденциальности, выделяемых в рамках болгарской системы). Можно сказать, что эти описания болгарского языка различаются слишком сильно; при этом оба решения имеют под собой обоснование, и каждое из них в какой-то мере приемлемо.

Проблемы в описании эвиденциальности в болгарском языке возникают из-за того, что она тесно связана с ТАМ-парадигмами глаголов, а также с адмиративностью. С первого взгляда система похожа на запутанный клубок, в котором любая нить может привести куда угодно, любая форма — обозначать что угодно. В то же время любой, кто изучает болгарский язык как иностранный и имел возможность общаться на нем с носителями в течение некоторого времени, может вспомнить, как часто они поправляли его ошибки, относящиеся именно к этой области.

На с. 119 эвиденциальная система болгарского языка представлена в виде схемы, с указанием смежных категорий эпистемической модальности и адмиративности. Нейтральные формы, которые не изменяют общей картины (настоящее и будущие времена, а также некоторые другие формы глагола, в том числе нерелевантные), опущены.

Если мы сконцентрируемся только на тех глагольных категориях, которые отличают болгарский язык от остальных славянских, не считая македонского, то мы увидим, что сложности здесь возникают из-за пересечения нескольких категорий. Среди них мы находим эвиденциальность, эпистемическую модальность и адмиративность.

В эвиденциальной системе болгарского языка разграничиваются следующие семантические параметры: визуальность (5), репортативность (7), конклюдентность (9). Визуальность позволяет маркировать информацию как засвидетельствованную лично (1)³ или же вошедшую в личный фонд знаний говорящего (2) (№ 5 на Схеме 2):

³ Далее курсивом обозначаются номера примеров, а ссылки на элементы схемы — прямым.

- (1) *Вчера го вид-ях.*
 вчера CL.ACC.3SG.MASC видеть-AOR.VIZ
Не изглежда-ше добре.
 NEG выглядеть-IMPF.3SG.VIZ хорошо
 ‘Вчера я его видел. Он плохо выглядел’.
- (2) *Втората световна война завърши-и през 1945 г.*
 Вторая мировая война закончиться-AOR.VIZ в 1945 г.
 ‘Вторая мировая война закончилась в 1945 г.’.

Репортативность маркирует информацию, которую говорящий получил с чужих слов (№ 11 на Схеме 2):

- (3) *Красимира би-л-а⁴ болна. Иван ми*
 К. быть-LPART.FEM.SG больна И. CL.DAT.1SG
го каз-а.
 CL.ACC.3SG.MASC сказать-AOR.3SG.VIZ
 ‘Красимира больна. Мне это сказал Иван’.

Эти формы имеют сложноуловимый оттенок дистанцирования (используя их, говорящий как бы снимает с себя ответственность за информацию). То есть, в семантике этих форм помимо эвиденциального компонента присутствует и эпистемический.

Чтобы избежать указания на дистанцирование от передаваемой информации, используют похожие формы, в которых связка в третьем лице не опускается (№ 10 на Схеме 2):

- (4) *Цар-ят е има-л-∅*
 Царь-DEF быть.PRAES.3SG иметь-LPART-MASC.SG
слабо сърце и се е
 слабое сердце и CL.REFL быть.PRAES.3SG
почувства-л-∅ зле, и тогава
 почувствовать-LPART-MASC.SG плохо и тогда
са му да-л-и отрова-та.
 быть.PRAES.3PL CL.DAT.3SG дать-LPART-PL яд-DEF
 ‘У царя было слабое сердце, он почувствовал себя плохо, и тогда ему дали отраву’ [Макарцев, Жерновенкова 2010: 63].

⁴ Эта форма образована по модели «быть.PRAES + л-причастие». В третьем лице SG и PL копула опускается и остается только л-причастие.

Существует и третий вид репортатива, который в болгарской научной литературе называется «усиленным», или дубитативом и используется, чтобы показать, что говорящий сообщает информацию, которой он совершенно не доверяет, и которая, более того, возмущает его. Таким образом, в семантике этой формы пересекается сразу три категории: эвиденциальность, эпистемическая модальность и (ад)миративность.

Конклюзивность маркирует информацию, которую говорящий получил путем логических рассуждений над доступными фактами:

- (5) *Палто-то ѝ е на закачалка-та.*
 пальто-DEF CL.DAT.3SG.FEM быть.PRAES.3SG на вешалка-DEF
Знач-и, тя е дош-л-а.
 значить-PRAES.3SG она быть.PRAES.3SG прийти-LPART-FEM.SG
 ‘Ее пальто на вешалке. Значит, она пришла’.

Этот широкий спектр значений (свидетельские формы, репортатив в трех видах, конклюзив, адмиратив) в болгарском языке выражается весьма экономно. Если для свидетельских форм (№ 5 на Схеме 2) существует своя парадигма (формы, восходящие к праславянским аористу и имперфекту), то формы под номерами (8–12) являются, по большому счету, омонимичными. При этом конклюзив и обычный репортатив используются только со связкой, дистанцированный репортатив только без связки, а перфект и (ад)миратив в некоторых ситуациях используются со связкой, а в некоторых без связки. При этом почти очевидный ответ на вопрос «Как же их разграничивать?» — «По контексту», как кажется, верен лишь отчасти. Безусловно, значения, передаваемые этими формами, разграничиваются по контексту, но существует ряд контекстов, которые допускают употребление только одной из форм (свидетельской/л-формы со связкой/л-формы без связки).

Итак, в рамках категории эвиденциальности болгарский язык позволяет разграничивать три вида форм: свидетельские, конклюзивные и репортативные (в некоторых случаях между последними двумя видами форм может возникать омонимия). При этом в рамках репортатива существует оппозиция по степени дистанцированности от передаваемой информации.

Как это можно описывать с точки зрения типологии? При анализе выборки из 500 языков (например, [Aikhenvald 2004: xii]) очень сложно, если вообще возможно, учитывать нюансы каждого отдельного языка.

Думаю, здесь на помощь может прийти противопоставление категорий описания и понятий для сравнения (*descriptive categories vs. comparative concepts*), которому посвящена недавняя статья [Haspelmath 2010]. При изучении языка перед обычными говорящими и исследователями стоят две разных задачи. Если цель первых — выучить язык, для чего совершенно необходимо, чтобы у говорящего сформировались языковые категории, то цель вторых — используя универсальные основания, сравнивать языки между собой. Согласившись, что языковые категории каждого отдельного языка не обязательно должны совпадать с универсальными категориями сравнения, мы приходим к выводу, что есть ряд нюансов, которыми можно пренебречь в типологическом исследовании, чтобы они не скрывали за собой более общую картину.

Список условных сокращений

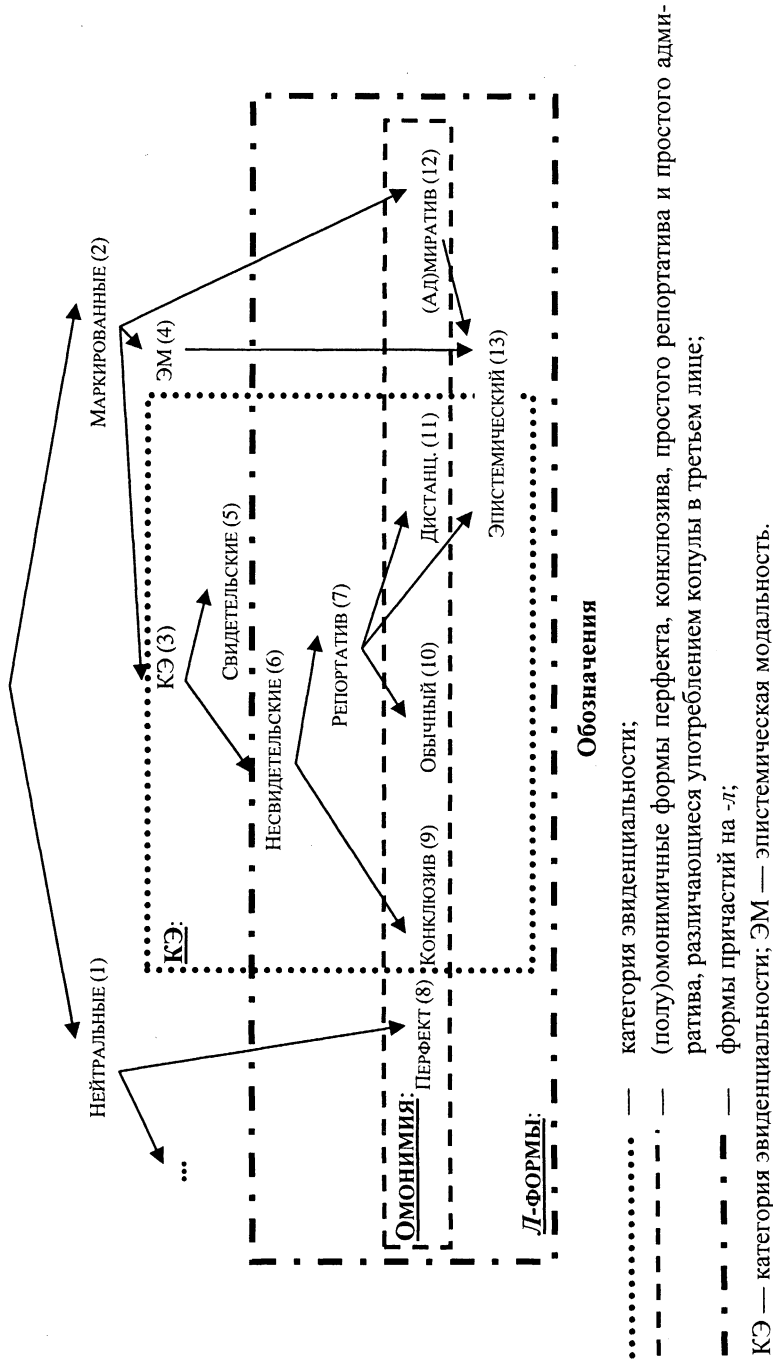
ACC — винительный падеж; AOR — аорист; CL — клитика; DAT — дательный падеж; DEF — определенный артикль; FEM — женский род; IMPF — имперфект; LPART — л-причастие; MASC — мужской род; NEG — отрицание; PL — множественное число; PRAES — настоящее время; REFL — возвратность; SG — единственное число; VIZ — свидетельские формы.

Литература

- Макарецв М. М., Жерновенкова Т. Г. Болгарский язык. Справочник по грамматике. М., 2010.
- Aikhenvald A. Yu. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Boas F. Handbook of American Indian languages. Part 1. Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology Bulletin 40, 1911.
- Friedman V. A. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian // Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds.). Studies in Evidentiality. (Typological Studies in Language 54). Amsterdam, 2003.

- Friedman V. A.* Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian // Chafe W., Nichols J. (eds.). Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
- Givón T.* Evidentiality and epistemic space // *Studies in Language* 6 (1), 1982.
- Guentchéva Z.* Le médiatif en Bulgare // Guentchéva Z. (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain/Paris, 1996.
- Haspelmath M.* Comparative concept and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language* 86 (3), 2010.
- Willett Th.* A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // *Studies in Language* 12 (1), 1988.

Схема 2. Эвиденциальная система болгарского языка

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. VI, part 3

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
Nauka
2010

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том VI, часть 3

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2010

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Изд-во «Наука», 2010. — 276 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3).

ISBN 978-5-02-025613-2

**РЕДКОЛЛЕГИЯ
«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»:**

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова, д. филол. наук Е. В. Головкин,
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, к. филол. наук М. Л. Кисилиер
(секретарь), д. филол. наук, проф. С. А. Мызников,
к. филол. наук А. П. Сыгов, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский

РЕДКОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Д. В. Герасимов, Н. М. Заика, В. А. Крылова, О. В. Кузнецова,
С. А. Оскольская, С. С. Сай, М. А. Холодилова

Сборник подготовлен в рамках издательской программы НОЦ ИЛИ РАН «Языковые ареалы России» (Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры» инновационной России»)

Публикация сборника осуществлена за счет средств Целевой программы Президиума РАН «Поддержка молодых ученых» и Научной программы СПбНЦ РАН.

ISBN 978-5-02-025613-2 © Коллектив авторов, 2010

© ИЛИ РАН, 2010

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2010

Материалы
Седьмой Конференции по типологии и грамматике
для молодых исследователей